

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**«Новое время»
на страже интересов
«староверия»**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 3. С. 432-442.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

„Новое Время“ на стражѣ интересовъ „старовѣрія“.

Въ виду происходившихъ въ комитетѣ министровъ засѣданій по вопросу о пересмотрѣ узаконеній о религіозныхъ и гражданскихъ правахъ послѣдователей старообрядческаго раскола ¹⁾ газеты спѣшили выяснитъ предъ сознаниемъ общества значеніе предстоящихъ реформъ. Особенно усердствовало „Новое Время“, газета вообще неуловимаго принципа, но въ данномъ случаѣ очень стойкая. Положеніе, занятое этою газетою въ вопросѣ о старообрядческомъ расколѣ, давно извѣстно; она стоитъ на сторонѣ раскола, но, къ сожалѣнію, безъ должнаго разбора, стоитъ вездѣ и всюду. Нелѣзбно выступаютъ своеобразныя сужденія при своеобразныхъ приемахъ аргументаціи. Дѣло ведется въ полной оторванности отъ исторической почвы и безъ всякой спеціальной освѣдомленности. Церковная часть освѣщается односторонне, или же просто игнорируется. Все это обыкновенно отбиваетъ охоту къ обсужденію возбуждаемыхъ газетою вопросовъ о расколѣ. Но сдѣлаемъ на этотъ разъ маленькое и единственное исключеніе,—„злоба дня“ заставила газету постоять на стражѣ откровенно бдительно...

23 января.

По поводу всеподданнѣйшихъ адресовъ отъ четырехъ раскольническихъ обществъ газета выражаетъ „искреннюю радость“, видя въ этомъ фактѣ не только доказательство того, что есть еще, существуетъ надежная опора „русскихъ

¹⁾ Засѣданія начались 25 января и закончились 15 февраля.

политическихъ идеаловъ“, но и того, что „ледяная стѣна между раскольниками и остальными русскими людьми“ уже начинаетъ „таять“ и скоро „рухнетъ до основанія“. Расколъ, говоритъ газета, — „не оторгнувъ его послѣдователей отъ общей жизни со всѣмъ русскимъ народомъ, не создалъ раскола въ сферѣ отношеній и стремленій политическихъ“, напротивъ—раскольники „наиболѣе крѣпкіе и стойкіе русскіе люди, строго блюдушіе вѣрность русскимъ политическимъ началамъ и идеаламъ“. Но заслуживаетъ вниманія, что обѣщаніе на счетъ паденія „ледяной стѣны“ газета даетъ лишь подъ условіемъ: если будетъ сдѣланъ „еще одинъ шагъ“—по расширенію религіозныхъ и гражданскихъ правъ раскольниковъ. По этому поводу намъ невольно припоминаются примѣры прошлаго, какъ газетная печать начинала идеализировать расколъ всякій разъ, когда правительство заводило рѣчь о дарованіи раскольникамъ тѣхъ или другихъ правъ. Серьезнѣе, однако, поступили бы и нынѣшніе идеализаторы, если бы взяли на себя трудъ вдуматься и понять, что въ условіяхъ извѣстной назрѣвшей гражданской потребности правительство всегда имѣетъ достаточно дѣйствительныхъ, жизненныхъ основаній, чтобы даровать эти права. Придумывать основанія фиктивные, возбуждать надежды несбыточные, это значитъ не помогать дѣлу, а развѣ лишь тормозить его, и въ настоящемъ, и въ будущемъ, въ послѣдствіяхъ настоящаго. Четыре раскольническія общины исключительно поповщинскаго согласія газета округляетъ въ общую сумму „раскола“, какъ извѣстно по числу слагаемыхъ очень разнообразную; четыре телеграммы съ выраженіемъ вѣрно-подданническихъ чувствъ дѣлаются исходною точкою для сужденій о „политическихъ идеалахъ“ раскола, о коренныхъ убѣжденіяхъ всѣхъ его послѣдователей. Вѣдь это ни съ чѣмъ несообразный пріемъ, кромѣ только явной тенденціозности. Оказалось возможнымъ даже предсказаніе, что „ледяная стѣна“ раскольнической обособленности скоро „рухнетъ“, тогда какъ телеграммы выражаютъ свои радостныя чувства именно въ чаяніи закрѣпленія этой обособленности. Радуемся и мы, читая о готовности составителей телеграммъ быть „вѣрными сынами“ русскаго царя, но мы скорбимъ, что значеніе акта 12 декабря они понимаютъ чисто сепаратически. „Заря новой жизни“, коею воодушевлены составители телеграммъ, это—все та же ихъ старая жизнь внѣ церкви, но при

возможности новой организаціи для борьбы съ церковью. Поэтому тутъ возникаютъ естественно другія чувствованія. Основные устои русскаго государства созданы и освящены православною церковью, а не старообрядческимъ расколомъ. „Самодержавіе“ неотдѣлимо именно отъ „православія“. Это дѣйствительный, жизненный союзъ православной церкви и русскаго государства, а не отвлеченная теорія о взаимномъ отношеніи церкви и государства вообще. Православіе охраняло единеніе Россіи въ прошломъ, оно же составляетъ залогъ ея единенія и въ будущемъ. Въ моментъ великихъ историческихъ потрясеній союзъ съ церковью удвоивалъ силу государства, а иногда и прямо спасалъ его. Слѣдовательно, опора государства вовсе не тамъ, гдѣ царитъ раздѣленіе съ церковью, какъ это есть въ старообрядческомъ расколѣ даже преимущественно, въ особенномъ смыслѣ. Кто знакомъ съ исторіей раскола и съ основными его воззрѣніями, тому извѣстно, что въ старообрядчествѣ религіозный сепаратизмъ неизбежно сопровождается и гражданскимъ сепаратизмомъ. Гражданскій идеаль существуетъ для раскольниковъ лишь въ невозвратимомъ прошедшемъ, а въ настоящемъ, какъ и будущемъ, совсѣмъ не существуетъ. То, что существовало въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка, отошло въ вѣчность и уже не повторится. Теперь и царь не тотъ, и судьи не тѣ, теперь нѣтъ воеводствъ, нѣтъ приказовъ, теперь даже и войско иное. На современное состояніе государства и общества раскольникъ смотритъ какъ на состояніе упадка, ожидая въ будущемъ еще большій упадокъ. Сочувствовать современному порядку вещей раскольникъ не можетъ, это противно его религіознымъ убѣжденіямъ; напротивъ, идеаль раскольника—не только въ понятіяхъ чуждаться всякой государственной и общественной современности, но по возможности сторониться и на практикѣ. Такимъ образомъ гражданскій идеаль раскольника хотя и русскій, но мертвый идеаль, и потому никакъ не можетъ служить поддержкою для живой дѣйствительности. Больше того, по своей мертвенности не выражаясь иначе, какъ только въ видѣ пассивнаго протеста, стремящагося не къ разрушенію существующаго, а лишь къ избѣжанію, къ возможному удаленію отъ него, раскольниковскій гражданскій идеаль въ концѣ концовъ, въ послѣдовательномъ выводѣ, допускаетъ и такія осязательныя вещи, какъ уклоненіе отъ записи въ ревизіи, отъ платежа податей,

военной службы, паспортовъ, присяги. Различіе между отдѣльными старообрядческими толками здѣсь заключается именно лишь въ степени послѣдовательности, съ какою доктринальный взглядъ проводится въ жизнь. И какъ бы эта послѣдовательность ни была гдѣ либо нарушена, во всякомъ случаѣ останется минимумъ ея. Только одно глубокое невѣдѣніе можетъ утверждать, что расколъ „не отторгнулъ его послѣдователей отъ общей жизни со всеѣмъ русскимъ народомъ“.

27 января.

Газета негодуетъ на „епархіальныхъ миссіонеровъ“ свѣтскаго званія. Она желала бы если не прямо уничтоженія этой должности, то по крайней мѣрѣ ограниченія миссіонеровъ въ ихъ „разнузданной“ дѣятельности. Комитету министровъ, нынѣ обсуждающему вопросъ о раскольникахъ, по мнѣнію газеты „слѣдовало бы поднять и вопросъ о точномъ значеніи и точныхъ функціяхъ этихъ чиновниковъ-миссіонеровъ духовнаго вѣдомства“ и „выработать гласную для нихъ инструкцію, за предѣлы которой они не могли бы переходить“. Но въ чемъ же дѣло? Да эти миссіонеры, по мнѣнію газеты, являются тормазомъ „на пути упроченія“ у насъ той вѣротерпимости, рамки которой теперь устанавливаетъ комитетъ министровъ. Отъ злокозненной дѣятельности миссіонеровъ раскольникамъ все равно будетъ тяжело, если не ограничить ее строгой инструкціей. Но газета раскрываетъ свои карты лишь подъ конецъ рѣчи. А сначала она разглазольствуетъ о какой-то „зависимости“ священниковъ отъ миссіонеровъ, миссіонерскимъ правиламъ невѣдомой, потомъ возмущается тѣмъ, что миссіонеры получаютъ жалованье, будто бы имѣютъ вицъ-мундиръ, пенсію, чины, ордена, чего на самомъ дѣлѣ имъ не полагается...

Повидимому газета слышала что-то объ особыхъ чиновникахъ по сектантскимъ дѣламъ, но, по обычной своей „освѣдомленности“ въ вопросахъ о расколѣ и миссіи перепутавъ все, наговорила всякаго вздора...

3 февраля.

Устами одного изъ своихъ присныхъ сотрудниковъ газета увѣряетъ, будто раскольники при крестномъ знаменіи „слагаютъ пальцы“ такъ, „точь-въ-точь“, какъ „слагали ихъ свя-

тителі рускіе Сергій Радонежскій, митрополиты Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ“. Это -- давнее раскольническое увѣреніе, записанное еще въ „Поморскихъ Отвѣтахъ“. Но чтобы не „смущать“ читателей такою сомнительною ссылкою, чтобы читатели больше вѣрили и не колебались, — вмѣсто цитаты: „доздѣ взято изъ Поморскихъ Отвѣтовъ“, — авторъ статьи „осторожно“ приписываетъ: „это все я говорю точно, безъ малѣйшей ошибки противъ дѣйствительности“. Кажется достаточно, чтобы видѣть, питаетъ ли авторъ хоть какое-нибудь уваженіе къ своимъ читателямъ...

Тутъ же онъ дѣлаетъ характерное сообщеніе, что раскольники при заключеніи брака молятся „Николаю Чудотворцу“. Сколько извѣстно, виды брачныхъ молитвословіи у послѣдователей старообрядческаго раскола неодинаковы, поэтому автору слѣдовало бы добавить, какіе именно „старовѣры“ молятся „Николаю Чудотворцу“, — для другихъ „старовѣровъ“ это было бы любопытно, особенно въ виду заповѣди протопопы Аввакума поклоняться только „Николѣ Чудотворцу“, а никакъ не „Николаю Чудотворцу“...

А нравится ли вотъ эта характеристика раскольниковъ: „Не этого ли *стиля* люди на нашихъ иконахъ? Не о *нихъ* ли мы читаемъ у Карамзина и Соловьева? Не ихъ ли *имена* заставляемъ вытверживать дѣтей въ школѣ?“

Но для чего же нужно все это иносказательство, всѣ эти абсурды? Автору нужна твердая точка опоры, чтобы поразить читателя возгласомъ: вѣдь раскольники „не имѣютъ права семьи!“ Да, онъ такъ прямо и утверждаетъ: „законъ опредѣляетъ, именуетъ и устанавливаетъ права и правила для этихъ людей какъ *собакъ*, отрицая, среди гражданскихъ правъ, наконецъ даже и просто человѣческое право имѣть семью“. Въ комитетѣ министровъ поставленъ вопросъ о запискѣ раскольническихъ браковъ. Авторъ и воспользовался случаемъ еще разъ „облегчить душу“ на излюбленной темѣ о правѣ человечества „брачиться и родиться“.

Въ зависимость отъ лишенія правъ „имѣть семью“ авторъ ставитъ даже раскольническое ученіе объ антихристѣ. Крайне „угнетенные“ именно этимъ безправіемъ, видя, что оно преслѣдуетъ ихъ на пространствѣ многихъ поколѣній, раскольники „какъ бы помутнились въ умѣ“ и „начали рассказывать“ такъ: „это отъ антихриста! это его злоба, невидная, незамѣтная, безкровная, безшумная, но которая ужаснѣе огня и меча,

которые дѣйствуютъ минуту, тогда какъ дьяволъ растянулъ муку на всю жизнь и на цѣлыя поколѣнія“. Автору представляется такое объясненіе, очевидно, очень остроумнымъ, но исторически дѣло было совсѣмъ не такъ, не говоря уже о томъ, что раскольническое ученіе объ антихристѣ появилось ранѣе какихъ бы то ни было стѣснительныхъ узаконеній о раскольникахъ. Ученіе объ антихристѣ, явившись совершенно независимо отъ какого-либо вопроса о бракахъ, само, напротивъ, вліяло на рѣшеніе послѣдняго, но опять исключительно въ границахъ внутренней жизни раскола, помимо какой-либо связи съ внѣшними правительственными узаконеніями о раскольническихъ бракахъ. Я разумѣю раскольническую бракорборную доктрину, какъ въ первоначальномъ ея видѣ, такъ и въ послѣдующихъ измѣненіяхъ. Отсюда, тѣ изъ раскольниковъ, которые желаютъ „имѣть семью“, сколько бы правительство ни ограничивало ихъ „право“ на это, напротивъ, постепенно ослабляютъ ученіе объ антихристѣ, а на извѣстныхъ ступеняхъ и совсѣмъ отрицаютъ его, чего никакъ не могло бы быть по теоріи разсматриваемой статьи.

Вообще, разъ заходитъ рѣчь о расколѣ по поводу совершенно серьезному, какъ и есть въ данномъ случаѣ, нужно бы говорить серьезно, на почвѣ устойчивыхъ историческихъ основаній, а не фантазировать...

4 февраля.

Сегодня „самъ“ Суворинъ подписываетъ аттестатъ раскольникамъ. Онъ упоминаетъ о современныхъ забастовкахъ и возстаетъ противъ нихъ, но „забастовку“, какую учинили раскольники въ XVII вѣкѣ и продолжаютъ доселѣ, онъ одобряетъ. Онъ называетъ ее забастовкой *православнаго* народа, забастовкой *интеллигенціи*, дѣятельной забастовкой въ интересахъ охраненія *вѣры*... Одобряетъ именно активность забастовки, „дѣятельную жизнь, сохранившую народу“ и „вѣру“, и все „начала самоуправленія“, въ родѣ „прихода“, „выбора священниковъ“ и „прочаго“. Безконечныя раздѣленія изъ-за „вѣры“, безконечно ее нарушающія и доходящія не только до отрицанія какихъ-либо „приходовъ“, но и до отрицанія самихъ „священниковъ“, самаго ихъ бытія,—эти „прочіе“ результаты „забастовки“ и „самоуправленія“ очевидно не берутся въ счетъ...

10 февраля.

Газета требуетъ изгнанія слова „раскольникъ“—не только „изъ языка законодательства, суда и администраціи“, но и изъ полемической литературы, не говоря уже о языкѣ разговорномъ, прямо путемъ оффиціального запрещенія, и вотъ какъ аргументируетъ такое свое требованіе.

„Иногда думается, что старообрядчество составляетъ почти нужный вариантъ вѣры, во всякомъ случаѣ позволительный, не проклятый. При благомъ и обширномъ взглядѣ, старообрядчество почти входитъ въ гармонію вѣры, какъ остатокъ древне-московскаго, древне-суздальскаго пошиба въ богопоклоненіи“. Поистинѣ „благой взглядъ“ и глубокія „думы“! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь теперь въ православной вѣрѣ ощущается значительная неполнота: нѣтъ догматовъ о воцареніи антихриста, объ истребленіи священства и таинствъ, нѣтъ ученія о бродяжничествѣ, бракоборствѣ, не отрицается молитва за царя, не проповѣдуется самоистребленіе, нѣтъ вообще очень многихъ подобныхъ „вариантовъ“ старообрядческой „вѣры“. Правда, этихъ „вариантовъ“ не было и „въ древне-московскомъ богопоклоненіи“, но „при благомъ и обширномъ взглядѣ“ отчего бы и не расширить столь узкія рамки, разъ это помогаетъ „благой“ цѣли изгнать слово „раскольникъ“.

„Въ условіяхъ теперешней нашей психологіи, теперешнихъ представленій о церкви, о религіи“, все „устремляетъ“ насъ „къ погашенію не догматическихъ разностей вѣры, а самаго ощущенія этихъ разностей, двигаетъ къ затушеванію всяческихъ обособленій и въ основѣ всего къ затушеванію чувства обособленности“. Значить—догматическія разности допустимы и въ какихъ угодно размѣрахъ, но „ощущать“ эти разности—значить питаться остатками стараго вреднаго „антагонизма“. Пусть православная церковь содержитъ одно ученіе, а отдѣлившіеся отъ нея именуемые старообрядцы совсѣмъ другое, пусть и сами они именно на этомъ основаніи отдѣляются отъ нея,—но „вѣрующіе русскіе люди“, при „теперешнихъ своихъ представленіяхъ о церкви“, не должны ставить этого въ счетъ, напротивъ обязаны погасить всякую мысль о возможности церковнаго раздѣленія, изгнать всякій поводъ къ ея возникновенію, и прежде всего—изгнать слово „раскольникъ“. Таковъ другой аргументъ. Среди „вѣрую-

щихъ русскихъ“ своей категоріи сочинитель его, конечно, найдетъ поддержку, но съ нимъ отнюдь не согласятся даже сами раскольники. А вѣдь это цѣлая половина, безъ которой единеніе все равно немислимо. „Единство въ вѣрѣ“ составляетъ догматически основной базисъ раскола, „ощущеніе“ какихъ либо „разностей въ вѣрѣ“—его жизненный нервъ. Расколъ согласится на соединеніе съ церковью лишь при условіи уничтоженія этихъ „разностей“, а не при условіи „неощущенія“ таковыхъ. Но расколъ понимаетъ это дѣло лишь въ смыслѣ собственнаго преобладанія, господства „своей вѣры“, при формальномъ предъ нимъ раскаяніи со стороны церкви. Легко поэтому понять, какую язвительную улыбку на лицѣ раскольника вызоветъ легкомысленный „нововременскій“ проектъ, какой это удобный поводъ къ раскольническому издѣвательству, что въ „никоніанствѣ“ есть и такіе „вѣрующіе“...

„Откололись отъ старообрядцевъ гнѣвомъ своимъ, страстью своею, бранью своею—мы; и во всякомъ случаѣ—какимъ образомъ они могли стать раскольниками, когда ничего и никогда не раскалывали, оставаясь точь-въ-точь въ томъ положеніи, въ какомъ была и исповѣдывала вѣру вся Русь до 1666 года“. Этотъ новый аргументъ, кипящій такимъ негодованіемъ противъ церкви и ея членовъ, въ устахъ защитниковъ раскола, однако, далеко не новый. Такъ именно, съ полною и буквальною точностію, писали нѣкогда діаконъ Ѳеодоръ и протопопъ Аввакумъ, потомъ извѣстные братья Денисовы, нынѣ такъ пишутъ разные раскольническіе „іереи“ и „архіереи“ Швецовы, Механиковы и Усовы. „Нововременскій“ референтъ, повидимому, читалъ эти обвинительныя рѣчи старыхъ и новыхъ расколуучителей, но онъ или недостаточно усвоилъ ихъ, или, по нѣкоторымъ соображеніямъ, оборвалъ на половинѣ. На разглагольствіяхъ о „никоніанскихъ“ „гнѣвѣ“ и „брани“ раскольники отнюдь не мирятся. По ихъ мнѣнію „страстный“ и „бѣшенный“ соборъ 1666 года побилъ рекордъ собственно на томъ, что всю „вѣру исказилъ“. Въ этой рѣчи по крайней мѣрѣ все понятно: расколъ сохранилъ „вѣру, какую исповѣдывала вся Русь до 1666 года“, а „никоніанство“ измѣнило ей. Но такой послѣдовательности нѣтъ въ рѣчи „нововременскаго“ референта. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, это указаніе на „вѣру до 1666 года“, если все дѣло въ „гнѣвѣ“ и „страсти“? Во всякомъ случаѣ, если „откололись“ отъ такъ называемаго „старообрядчества“ сами „православные“,

то, значить, наименованіе „раскольникъ“ принадлежит *имъ*. Не договаривая этого, референтъ опять обрываетъ свою мысль не на мѣстѣ. Вѣдь нельзя же отрицать самый фактъ раскола, существованіе церковнаго раздѣленія. А слѣдовательно нельзя не „ощущать“ и виновника его. Когда „старообрядцы“, возражають противъ именованія ихъ „раскольниками“, то этимъ они ничуть не отрицають фактъ церковнаго раскола и вовсе не стремятся къ его „погашенію“, а только хотять сложить съ себя вину въ происшедшемъ церковномъ раздѣленіи. Когда они обращаются съ этого рода просьбой къ свѣтскому правительству, то дѣлають не что иное, какъ взываютъ къ третейскому суду въ ихъ спорѣ съ православною церковью. Поэтому заключеніе автора статьи, что раскольники такую своею просьбою „сами стараются погасить раздѣленіе“ и будто бы хотять сказать, что они не желають „быть въ отдѣленіи отъ православнаго русскаго народа“.— среди послѣдователей „старообрядчества“ способно вызвать не только смѣхъ, но даже и обиду.

„Раскольникъ“ есть не имя, а кличка, и притомъ ругательная уличная кличка. Она ожесточаетъ сердца старообрядцевъ такъ же, какъ „свиное ухо“—татарь, какъ „пейсы“—еврея“. Для законодательнаго языка это слово—просто „нечистоплотно“, для обыкновеннаго употребленія—„безсмысленно“. Вотъ еще аргументъ. Очевидно „древніе“ отцы церкви, по свидѣтельству Василія Великаго установившіе для извѣстныхъ видовъ церковныхъ „раздѣленій“ терминъ „расколъ“, поступили необдуманно. „Свиное ухо“ и „пейсы“—еще пная статья, но просмотрѣть „безсмыслицу“—это уже верхъ оплошности. Мнѣ кажется, однако, что здѣсь дѣло просто въ нечистоплотности языка самого автора. Напрасный вопросъ, удобны ли для свѣтскаго законодательства термины церковныхъ канонѡвъ, но не будетъ напраснымъ ожидать отъ раскольниковъ, что за наименованіе каноническаго термина „нечистоплотнымъ“ и „безсмысленнымъ“ они запишутъ за „никоніанами“ еще одну „ересь“.

Вмѣсто слова „раскольникъ“ авторъ предлагаетъ слова „старовѣръ“ и „старообрядецъ“. Онъ говоритъ: „законъ долженъ и имѣть право пользоваться только научно-точными, ~~без~~безстрастно-точными терминами“. Но вѣдь вѣра христіанская есть всегда единая, ни „старинны“, ни „новизны“ здѣсь быть не можетъ. Поэтому, пусть бы даже отдѣленіе раскола нача-

лось дѣйствительно изъ-за „вѣры“, пусть бы даже раскольники впоследствии сохранили всю „старую вѣру“, даже и при этихъ условіяхъ что могло бы означать слово „старовѣръ“? Не бессмысленно ли оно? Вѣра, какъ и церковь, „никогда же старѣеть, но присно юнѣется“. Сами раскольники, если люди книжные, нынѣ хорошо понимаютъ это ¹⁾. Точно также нѣтъ ни малѣйшей „научной точности“ и въ словѣ „старообрядецъ“, такъ какъ раскольническіе религіозные обряды нисколько не „старѣе“ обрядовъ православныхъ, ни по греческому происхожденію, ни по русскому употребленію.

12 февраля.

Длинная и туманная статья подъ заглавіемъ „Война и свобода совѣсти“. По мнѣнію автора, въ чемъ собственно должно каяться правительство, въ виду военныхъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ, такъ это именно въ томъ, что доселѣ не отмѣнены „стѣснительныя“ законодательныя статьи о раскольникахъ, и особенно что еще не распечатаны алтари московскихъ рогожскихъ часовень.

Вотъ что значить стоять на стражѣ интересовъ „старовѣрія“ и „старовѣровъ“, стоять всегда и неизмѣнно и „во что бы то ни стало“...

17 февраля.

Критикуется законъ о „неоказательствѣ“ раскола. Наши читатели помнятъ сущность этого закона, его цѣли и формы обнаруженія ²⁾. Поэтому—лишь два примѣра „критики“, не входя въ разъясненія.

Критикъ хочетъ доказать, что законъ силится сдѣлать неизвѣстнымъ отлично извѣстное: для этого насчитываются неизвѣстныя „сотни тысячъ“ старообрядцевъ въ Австріи и Турціи, а потомъ упоминается о нѣмецкихъ ученыхъ „исслѣдованіяхъ“ по расколу, какъ бы для показанія, что хитрые нѣмцы, наоборотъ, умѣютъ сдѣлать очень „извѣстнымъ“ даже совсѣмъ неизвѣстное въ русской дѣйствительности, не существующее ³⁾.

¹⁾ Свѣтъ, 1905, января 28, стр. 3.

²⁾ Христ. Чтеніе, 1905, кв. 2, стр. 224—235.

³⁾ Авторъ цитируетъ невѣжественный „трудъ“ Геринга „Расколъ и секты русской церкви“.

Критикъ хочетъ доказать, что законъ—или недалековиденъ, или пристрастенъ: для этого указываются „на Невскомъ, Морской и Конюшенной храмы—католическіе, лютеранскіе и реформатскіе“,—какъ будто суть дѣла, по закону, совсѣмъ не во внѣшнемъ видѣ храмовъ, не въ разности этого вида, какъ будто въ законѣ рѣчь о томъ, чтобы раскольники не строили своихъ молитвенныхъ зданій именно по подобію католическихъ, лютеранскихъ и реформатскихъ молитвенныхъ зданій...

23 февраля.

Въ заключеніе мѣсячной апологіи „старовѣрія“ предлагается характеристика „церковныхъ“, въ объемѣ характеристики, какую сами они, по словамъ газеты, даютъ „старовѣрію“ къ „сектантству“. Къ теченіямъ мистическимъ официальная церковность относитъ „все неясное по части вѣры“, затѣмъ къ сектамъ рационалистическимъ—„усердное чтеніе Евангелія“, наконецъ „къ старообрядчеству“ — „приверженность къ древности“. „Только золотая середина, Евангеліемъ пылко не увлекающаяся, стараго до подробностей не помнящая, „свѣтопреставленія“ не боящаяся—есть „мы“ и „наше“, срединное—наше равнодушное царство“.

Языкъ ненависти къ церкви—хульный, языкъ равнодушія—тривиальный...

П. Смирновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки